

*Ткачук М. А.***О роли философии
в православном духовном
образовании: уроки истории¹**

В свете оживленных дискуссий о путях реформирования духовного образования, имеющего своей целью не только и не столько формальные преобразования, сколько, в первую очередь, качественные изменения, отвечающие, с одной стороны, всё возрастающим требованиям к уровню знаний, культуры и исследовательских навыков современных профессиональных богословов, а с другой — глубинным смыслам и исконным задачам церковного служения, особенно пристального внимания заслуживает, на наш взгляд, вопрос о содержательном наполнении учебных планов и программ духовных семинарий и академий. Как и целый ряд иных проблем, сопряженных с вхождением в единое европейское образовательное пространство, этот вопрос представляется далеко не безболезненным: справедливое чаяние признания дипломов и связанное с этим осознание неизбежности приведения учебного процесса и его содержания в соответствие с государственными стандартами высшего образования порождают вполне понятные опасения по поводу чрезмерного «обмирщения» духовной школы, выхолащивания того «молитвенного начала», которое определяет ее сущностный признак и содержание. Только взаимная толерантность и гибкость Церкви и государства в подходах к решению наболевших проблем духовной школы могут способствовать, с одной стороны, ее переходу на качественно новый уровень развития, а с другой — сохранению собственной специфики и особенного предназначения. Пока же, в условиях фактического отсутствия в Украине единого государственного стандарта богословского образования, задача разработки которого представляется особенно актуальной в свете принятых в последние месяцы законодательных

¹ Доклад на II Международной научно-практической конференции «Духовное и светское образование: история взаимоотношений — современность — перспективы» (18-19 октября 2010 года, Киевская духовная академия).

решений о включении богословия в перечни научных специальностей и направлении подготовки специалистов и магистров, сохраняются перспективы заинтересованного и конструктивного диалога церковных и государственных структур по поводу эффективной и адекватной современным потребностям общественного и культурного развития модели духовной школы.

В то же время, о ситуативных сложностях на пути выработки оптимальных механизмов адаптации духовного образования к единому образовательному полю свидетельствуют не вполне продуманные и последовательные, на наш взгляд, шаги, предпринимаемые в указанном направлении. В этом смысле трудно не согласиться с мнением ректора Киевской духовной академии и семинарии, архиепископа Бориспольского Антония (Паканича), очень точно охарактеризовавшего противоречивость упомянутых выше решений, далеко не способствующую реализации связанных с ними положительных ожиданий: «Ведь специфика возникшей ситуации состоит в том, что в Украине появилась возможность получать самые высокие научные степени за исследования в области теологии, но при этом отсутствует лицензированный государством механизм подготовки бакалавров и магистров богословия, то есть специалистов, имеющих фундаментальное богословское образование. Без этого образования сложно рассчитывать, что сами собой появятся качественные богословские диссертации»².

Кроме того, определенные коллизии связаны и с самим фактом появления специальности «богословие» в перечне украинской Высшей аттестационной комиссии в несколько неожиданном как для научного, так и для церковного сообщества, статусе одной из «философских наук». По вполне понятным причинам, в среде профессиональных богословов такое половинчатое признание научного характера некоего аморфного «богословия», давно структурированного и представленного целым спектром дисциплин (что, добавим, само по себе свидетельствует в пользу логичности и целесообразности выделения «богословских наук» в специальное направление), порождает опасение по поводу выхолащивания специфики богословского знания и придания ему нежелательных векторов развития, ставящих Церковь «перед угрозой... секуляризационных процессов изнутри»³. В то же время, отсутствие каких-либо изменений в действующем «Положении о специализированных советах»,

²Ректор КДАиС архиепископ Бориспольский Антоний: «В сфере богословского образования нашей основной задачей остается достижение духовными школами того же статуса и прав, которыми обладают светские учебные заведения» // Интервью с корреспондентом портала Патриархия, ш Виктором Радзиевским. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/819500.html> (дата публикации: 03.06.2010).

³Ректор КДАиС архиепископ Бориспольский Антоний... URL: <http://www.bogoslov.ru/text/819500.html> (дата публикации: 03.06.2010).

наделенных правом присуждения ученых степеней и формирующихся из сотрудников научных учреждений и ведущих вузов, в условиях фактического отсутствия в штатах последних необходимого минимального количества (четыре) докторов философских наук по специальности «богословие»⁴ придает «внешней» легитимации процесса подготовки ученых-богословов достаточно призрачный и, по сути, «ритуальный» характер.

Если допустить — по крайней мере, теоретически, — что какая-либо из государственных научно-исследовательских институций изыщет возможности для создания специализированного совета, облеченного полномочиями присваивать степени кандидата и доктора философских наук по специальности 09.00.14 — богословие, то это не снимет целого ряда проблем для потенциальных соискателей указанных ученых степеней.

В соответствии с действующими нормативными документами Кабинета Министров и ВАК Украины, обязательным условием допуска к защите диссертации на степень кандидата наук является сдача трех кандидатских экзаменов (иностранный язык, философия и специальность) в одном из научных институтов или вузов, обладающих правом их приема⁵.

Программы экзаменов носят типовой характер и определяются Министерством образования и науки Украины⁶.

Кроме того, при отсутствии полного высшего образования в той отрасли наук, по которой защищается диссертация, соискатель степени, с тем, чтобы подтвердить уровень своей теоретической подготовки, сдает еще минимум два кандидатских экзамена по «отраслевым» дисциплинам (их перечень определяется специализированным советом, в котором защищается диссертация)⁷.

Как видим, стоит лишь немного углубиться в тонкости действующего механизма присуждения ученых степеней и званий, чтобы встретить целый ряд дополнительных коллизий, с которыми сопряжены защиты диссертаций по богословской специальности, отнесенной к философским наукам. Особенно ощутимыми они оказываются для выпускников духовных учебных заведений, не аккредитованных государством: первым препятствием для них станет уже само отсутствие диплома магистра

⁴ См.: Положення про спеціалізовані вчені ради. URL: <http://www.vak.org.ua/normat.php>.

⁵ См.: Положення про підготовку науково-педагогічних і наукових кадрів. URL: http://www.vak.org.ua/docs//maininfo/law_acts/training_statute.doc.

⁶ 'Экзамен по специальности принимается по программе, состоящей из двух частей: одна из них — типовая, утвержденная МОН Украины, другая — составленная институцией, в которой принимается экзамен.

⁷ См.: Положення про підготовку науково-педагогічних і наукових кадрів (п. 17). URL: http://www.vak.org.ua/docs//maininfo/law_acts/training_statute.doc; Додаток 8 до наказу ВАК № 557 від 19.07.2010. URL: http://www.vak.org.ua/docs//news/nakaz_557.doc.

или специалиста *философии*, что потянет за собой целый ряд дополнительных «мытарств» на пути к ученой степени.

Совершенно очевидно, что непродуманное решение о внесении богословия в перечень философских специальностей, превратившее, по иронии судьбы, бывшую «служанку богословия» в его «хозяйку» и создавшее определенное напряжение как в профессионально-богословской, так и в профессионально-философской средах, актуализирует не только давнюю проблему взаимоотношений философии и богословия, но и целый ряд вопросов, связанных с философским образованием воспитанников православных духовных школ. В самом деле, многие ли из них смогут выполнить требования ВАК даже на уровне сдачи кандидатских экзаменов (как основных, так и дополнительных) по соответствующим государственным программам? Да и определяется ли необходимость основательной философской подготовки современного православного богослова только лишь требованиями ВАК?

Задуматься над этими отнюдь не риторическими вопросами побуждает знакомство с некоторыми находящимися в открытом доступе материалами, позволяющими составить представление как о перечне философских дисциплин, изучаемых в современных православных учебных заведениях, так и о содержательном их наполнении. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что в подготовке современных богословов и церковнослужителей философские курсы занимают достаточно скромное место, а их тематика далеко не отображает проблемное поле философии как в ее прошлом, так и, в особенности, настоящем.

Эта констатация поневоле заставляет вспомнить богатейший философский опыт, накопленный православными учебными заведениями XIX — начала XX вв., усилиями которых, собственно, и были заложены «основания для систематической философской культуры», значимые для всего восточнославянского ареала⁸. Протоиерей Федор Голубинский (1797/1798-1854), Василий Карпов (1798-1867), Орест Новицкий (1806-1884), Сильвестр Гогоцкий (1813-1889), Памфил Юркевич (1826-1874), Виктор Кудрявцев-Платонов (1828-1891), Петр Линицкий (1839-1906), Михаил Владиславлев (1840-1890), Михаил Карийский (1840-1917), Вениамин Снегирев (1841-1889), Николай Дебольский (1842-1918), Алексей Введенский (1861-1913), Виктор Несмелов (1863-1937), Павел Тихомиров (1868-1937), священник Павел Флоренский (1882-1937) — творчество этих и многих других воспитанников и профессоров православных духовных академий и сегодня вызывает живейший интерес, оказываясь востребованным не только историками философии, но и специалистами в других областях философского знания.

⁸ Флоренский Г. Пути русского богословия. К., 1991. С. 240, 242.

Дело, однако, не только в перечисленных именах и персональном наследии: очевидная общность смыслового поля, в рамках которого разворачивалась преподавательская и научная деятельность философов духовных академий, наличие характерной проблематики, методологии и даже стиля, позволяют говорить не только о конкретных философах духовных академий, но и о духовно-академической философии, как своеобразном феномене⁹, с которым связаны первые на славянских просторах попытки, говоря словами Алексея Введенского, «воплотить православно-христианскую идею в философскую форму»¹⁰ и, тем самым, предпринять весомые шаги в деле развития православной философии и культуры. Имея религиозные корни, развиваясь в лоне богословия и черпая свое вдохновение в неисчерпаемой сокровищнице Откровения, как источнике постижения «тайн о Боге, мире и человеке», духовно-академическое философствование XIX — начала XX вв. исходило из установок христианского теизма, из понимания Абсолюта как Живого Бога, Творца и Промыслителя, свободной и сознательной Личности. Ратуя за преодоление односторонности как рационализма, так и эмпиризма, усматривая в познании истины дело не одного только мышления, но «целостного разума», представляющего собой живое единство ума, воли, чувств, совести и т. д., ища согласия веры и разума в «верующем разумении», философы духовных академий очертили путь русской религиозной философии, вдохновленной идеей всеобъемлющего синтеза христианской веры и философствующего разума.

Именно с духовными академиями следует связывать не только первый опыт обращения русской философии к истокам православной традиции, к святоотеческому наследию, ставшему предметом многочисленных исследований и переводов, обогативших восточнославянские культуры XIX — начала XX века и вошедших в плоть и кровь религиозно-философского дискурса эпохи, но и первые образцы глубоко

⁹ К слову сказать, для понимания сущности и значимости этого феномена мало что дают достаточно распространенные характеристики духовно-академической философии как «совокупности» философских курсов и философской «продукции» духовных академий Русской Православной Церкви (см.: Абрамов А. И. Духовно-академическая философия // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. С. 170; Шапошников Л. Е. Духовно-академическая философия // Словарь философских терминов. М.: Инфра-М, 2004. С. 153), трактующие предмет в несколько механицистском ключе и подталкивающие исследователей к не вполне продуктивной перспективе «не увидеть за деревьями леса». Ведь на самом деле, речь идет не о простой «совокупности» философских курсов, учебников или трактатов, а об особом типе философствования, институализированном в духовной школе. Наряду с университетским, он является разновидностью академической философии, функционирующей в системе образования и науки и выявляющей себя теоретической деятельностью в специализированных отраслях философского знания (философских дисциплинах), которая реализуется в практике преподавания.

¹⁰ Введенский А. И. О современных задачах воспитанников духовных академий в области философии // Богословский вестник. 1895. Т. 4. № 10. С. 85.

профессионального осмысления философских учений Канта, Фихте, Гегеля, Шеллинга, Баадера, Якоби, Шопенгауэра, Лотце, Бенеке, Гербарта, Ульрици и других представителей немецкого идеализма. Характерно, что эти образцы отнюдь не носили характера наследования — речь шла о творческой рецепции их идей, о живом и плодотворном диалоге, в котором оттачивались собственные мысль и слово, нарабатывались навыки критического анализа, формировался категориальный и терминологический аппарат русскоязычной философии. В этом диалоге зрел и крепнул философский выбор духовно-академических мыслителей в пользу идеализма платоновского типа, пропущенного через горнило православного умозрения — того самого «конкретного идеализма», который предусматривал, в отличие от лишнего оснований идеализма абстрактного, укорененность философского мышления в абсолютно сущем, как его начале. Разумеев дух как реальную субстанцию, а следовательно, нечто большее, нежели сознание и познавательная деятельность, усматривая в истине не мыслительную категорию, а «живую», конкретную онтологическую сущность, именно духовно-академические философы сформировали основы так называемой «онтологической гносеологии», которую считают одной из отличительных особенностей русской религиозной метафизики.

Наконец, трудно переоценить роль православных духовных школ XIX — начала XX вв. в становлении профессиональной философии в России, в развитии целого ряда философских наук — истории философии, метафизики, философской антропологии, эпистемологии, логики, психологии, этики, философии образования, философии религии, в создании философского сообщества, ставшего существенным фактором легитимации философского знания в нефилософски настроенном российском социуме. Периодика, научные общества, издательские начинания православных учебных заведений имели бесценное значение не только в развитии философской мысли (вспомним, какое место в ее истории занимают «Труды Киевской духовной академии», «Христианское чтение», «Богословский вестник» и другие духовно-академические журналы дореволюционной поры), но и в утверждении в общественном сознании значимости философии как необходимого компонента духовной культуры, в создании того информационного пространства, с помощью которого осуществлялось ознакомление «читающей публики» с памятниками мировой философской мысли и ее актуальными проблемами.

Одним из убедительнейших свидетельств значимости дореволюционной духовно-академической философии является и ее роль в становлении и развитии университетской философии (трудно сказать, как сложилась бы история последней, не будь воспитанников и профессо-

ров духовных академий, заполнявших собой философские кафедры университетов на протяжении практически всего XIX века), и ее влияние на традицию «внеакадемического» философствования. В значительной мере стимулируя «философское пробуждение» 1830-х гг., воспитанники духовных академий с твердой непоколебимостью продолжали свой философский путь даже в самые неблагоприятные времена, заботливо оберегая ниву философии от «бурьяна» будничной прагмы и утилитарных приоритетов. Их повседневный и методичный труд во благо философских наук, часто не востребованный современниками, по достоинству оценен потомками, обнаруживающими в последних два десятилетия всё новые и новые свидетельства глубочайшего философского профессионализма и высочайшей философской культуры, оставленных в истории православных духовных школ дореволюционной России.

Если учесть ярко выраженный конфессиональный характер последних, их богословскую и пастырскую направленность, то эти свидетельства, конечно же, следует отнести к разряду парадоксальных. Казалось бы, в задачи духовных семинарий и академий никогда не входила подготовка профессиональных философов, а изучение философии не обладало здесь самодостаточным статусом, будучи подчиненным главной цели — воспитанию «благочестивых и просвещенных служителей слова Божия». И все же, как показано выше, именно в их стенах были заложены основания традиции профессиональной философии, предприняты существеннейшие шаги к ее развитию и получены весьма достойные и значимые результаты.

Разгадку этого парадокса следует искать, на наш взгляд, в плоскости изучения самой модели философского образования, которая сложилась и функционировала в системе православного образования дореволюционной России.

Принципиальную роль в ее создании сыграла так называемая «александровская» образовательная реформа, предпринятая в начале XIX в. и увенчавшаяся созданием целостной системы начальных (приходские школы и уездные училища), средних (семинарии) и высших (академии) духовных учебных заведений, основанной на принципах иерархичности и подчинения высшей церковной власти. Предоставление духовным академиям статуса специализированных богословских и пастырских институций, подкрепленное необходимыми материальными средствами и трансформацией устаревших подходов к обучению, оказались действенными мерами, придавшими духовному образованию новый мощный импульс. В то же время, на протяжении практически всей своей истории духовная школа сохраняла глубокое понимание фундаментальной значимости общего образования и, прежде всего, его гуманитарной составляющей в процессе подготовки церковных ученых и душпастырей.

При этом особенно важное место в системе православного образования дореволюционной поры занимала философия.

Каковы же отличительные черты той модели философского образования, что сложилась в православных духовных заведениях России на протяжении XIX в.?

К важнейшей из них следует отнести, на наш взгляд, системный, последовательный характер изучения философии на уровне средней и высшей школ. В отличие от светской системы образования, в рамках которой философия оставалась исключительной прерогативой высших учебных заведений, овладение философскими знаниями в духовной школе начиналось уже с семинарских классов. Подчиняясь общеобразовательным целям, изучение философской пропедевтики, краткого курса истории философии, логики и психологии вводило семинаристов в круг философских дисциплин, знакомило с соответствующей терминологией, способствовало формированию мировоззренческих ценностей, готовило к самостоятельной умственной деятельности. При всех реорганизационных изменениях, связанных с изменениями семинарских уставов, философские дисциплины преподавались в довольно значительном часовом и содержательном объеме.

Предварительный философский «вышкол», приобретенный в семинарии, закреплялся и преумножался в период обучения в духовной академии. Достаточно заглянуть в уставы православных духовных академий XIX — начала XX в., чтобы убедиться в том, что философский компонент всегда занимал следующий за богословским приоритетный уровень в системе высшего духовного образования. В частности, в соответствии с уставом 1814 г. философским дисциплинам — истории философии (древней и новейшей), логике, психологии, метафизике и нравственной философии — принадлежала ведущая роль (10 часов в неделю) в учебных планах низшего отделения, обучение на котором продолжалось на протяжении первой половины четырехлетнего духовно-академического курса. Устав 1869 года, введший специализацию студентов по трем отделениям — богословскому, церковно-историческому и церковно-практическому — не только оставлял историю философии, логику, метафизику и психологию в составе дисциплин, обязательных для изучения на всех отделениях, но и увеличивал объем их преподавания до 12 часов в неделю. Изменения, внесенные в учебные планы академий уставом 1884 г., упразднявшим специализацию по отделениям, в целом ослабляя гуманитарную составляющую богословского образования исключением исторических и филологических дисциплин из состава нормативных для студентов всех отделений, никоим образом не касались дисциплин философских, которые сохраняли свой прежний статус и значение. Наконец, при всей своей усиленной акцентации специали-

зированной статуса духовных академий, устав 1910 г., определяющий их как «закрытые высшие церковные училища, христианским воспитанием и высшей православно-богословской наукой приготавливающие христиански-просвещенных деятелей для служения святой православной Церкви, прежде всего в области церковно-пастырской, а затем и на других поприщах церковной деятельности, предпочтительно в священном сане»¹¹, сохранял всецелую лояльность к философским дисциплинам, отводя на преподавание систематической философии (заменившей метафизику), логики, психологии и истории философии 15 часов в неделю и сохраняя их нормативный статус. Устойчивая тенденция к сокращению общеобразовательного гуманитарного компонента в духовно-академическом образовании, проявляющаяся с конца XIX в., коснулась философских курсов лишь с 1911-1912 учебного года, когда, в соответствии с принятыми летом 1911 г. изменениями в действующем уставе, история философии впервые утратила характер нормативной дисциплины и стала предлагаться студентам на выбор с педагогикой¹².

Содержательное наполнение и методика преподавания философских курсов, входивших в учебные планы православных учебных заведений XIX — начала XX вв., — отдельная тема, требующая специального рассмотрения. Здесь же уместно коснуться лишь некоторых ее аспектов, касающихся, прежде всего, уровня философского образования, даваемого в духовных школах того времени, а следовательно, эффективности его дореволюционной модели.

Конечно же, как и любая образовательная система, система православного духовного образования XIX — начала XX вв. имела и свои достоинства, и свои недостатки.

Что касается достоинств — то здесь, на наш взгляд, важно подчеркнуть, прежде всего, преобладающий и систематический характер философской подготовки, осуществляемой в семинариях и академиях; солидную историко-философскую базу, приобретаемую воспитанниками; овладение ими методикой самостоятельной работы с классическими первоисточниками и новейшей философской литературой; освоение оригинальных текстов благодаря основательному изучению древних и новых языков; прививание студентам навыков интерпретации, комментирования и перевода философской литературы; овладение техникой написания философских текстов; высокий уровень предъявляемых им требований и воспитание в них исследовательской добросовестности. Все эти, без сомнения, положительные и заслуживающие наследо-

¹¹ Устав православных духовных академий // Труды Киевской духовной академии (далее — ТКДА). 1910. № 7-8. С. 1.

¹² См.: Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1911-1912 учебный год. К., 1912. С. 7-8.

вания особенности философского образования, обеспечиваемого духовными академиями XIX — начала XX вв., на наш взгляд, и были теми факторами, которые обусловили появление в духовной среде философ-специалистов, способных развивать философские науки и удовлетворять кадровые потребности не только духовно-академических, но и университетских кафедр философии.

Отдельно следует подчеркнуть демонстрируемое профессорами философии дореволюционных академий и воспитываемое ими в своих подопечных отсутствие боязни реагировать на современные тенденции в развитии философской мысли, вступать в полемику с «инакомыслящими» по отношению к себе направлениями и течениями, реагировать на актуальные проблемы жизни общества, его духовные искания и культурные запросы. Это качество «открытости миру», ознакомление студентов с «новейшей» не только по названию курсов, но и по их содержанию, философией и острыми вопросами современной мысли, заслуживает, на наш взгляд, наследования и культивирования нынешней духовной школой, стремящейся соответствовать высоте возложенных на нее задач.

Конечно же, говоря об эффективности философского образования в дореволюционных духовных семинариях и академиях, следует принимать во внимание и его особенности, обусловленные спецификой конфессиональных богословских и пастырских учебных заведений. Как свидетельствуют уставы, подробно регламентировавшие их деятельность на протяжении XIX — начала XX вв., миссия, возложенная на преподавание философии в духовных школах, состояла в формировании у студентов богословского способа мышления, убежденного в непреложности вероисповедных истин и необходимости подчинения разума «освящению вышнему»¹³. Эта миссия, сформулированная в первом духовно-академическом уставе, сохраняла краеугольное значение на протяжении всей дореволюционной истории духовных академий, и с предельной ясностью была воспроизведена в «Объяснительной записке к проекту Устава Духовных Академий» (1910), предписывавшей преподавателям философских наук «руководиться традиционным правилом, по которому философия в своих высших принципах и в научных выводах должна идти рука об руку с богословием, служа как бы пропедевтикой к последнему»¹⁴.

В такой фактической *предзаданности* парадигмы «философствования в рамках», не говоря уже о тщательном контроле за ее осуществлением, нельзя, конечно же, не усмотреть определенной коллизии, сужавшей оптику философского видения мира в духовно-академическом

¹³ Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии... С. 104-105.

¹⁴ Объяснительная записка к проекту Устава духовных академий // ТКДА. 1910. № 7-8. С. 50.

философствовании и размывавшей границы философского и богословского дискурсов. Если богословский способ мышления всегда исходит из уже известных и абсолютных вероучительных истин и возвращается к ним же в процессе их постижения, то философское мышление — принципиально незаверσιμο в своем стремлении к истине и ее свободном искании, оно предпочитает состояние пребывания «в пути» к достижению «пункта назначения». Эту противоречивость хорошо осознавали и сами духовно-академические философы, акцентируя внимания на том, что «подчинение» философии богословию, насколько это требуется, должно быть результатом *равноправного, самостоятельного и свободного* существования философии, т. е. — *научным результатом сознания превосходства средств веры, а не каким-либо непосредственным следствием рабства сил разума*¹⁵. И именно этим осознанием было проникнуто убеждение в том, что «вполне в интересах веры, в интересах самого богословия, — дать науке разума, — философии, — *полную самостоятельность и свободу* научных изысканий, со всеми их «правовыми» последствиями, и в этом смысле — «уравнять» философию с богословием»¹⁶. Это убеждение особенно актуализировалось в годы реформ, но, к сожалению, всегда оказывалось неслышанным руководителями духовного просвещения, опасавшимися пагубных последствий философского «вольномыслия».

С точки зрения методики, определенным недостатком преподавания философских дисциплин в православных учебных заведениях XIX — XX вв., следует считать его монологический характер. Сохранение лекций в качестве единственной формы аудиторных занятий (практические занятия были введены лишь уставом 1910 г.), противоречащее самой диалогической природе философского мышления, лишало духовные школы дополнительного и очень важного стимула изучения философских наук и вызывало справедливые нарекания со стороны их преподавателей.

Следует особенно подчеркнуть не только убежденность последних в значимости философии как одного из важнейших образовательных компонентов, но и их искреннее стремление способствовать укоренению этого убеждения в общественном сознании. Первый мощный голос в пользу философского образования, прозвучавший в Российской империи, принадлежал выпускнику Киевской духовной академии, профессору Университета Святого Владимира Оресту Новицкому¹⁷, усмат-

¹⁵ Высокоостровский А. П. О праве духовных академий присуждать ученые степени по философским наукам // Христианское чтение. 1906. № 5- С. 760.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Новицкий О. М. Об упреках, делаемых философии в теоретическом и практическом отношении, их силе и важности // Журнал министерства народного просвещения. 1838. Ч. 17. С. 229-329.

ривавшему главную цель философского образования в пробуждении в человеке «самодеятельной силы его духа», «самостоятельного убеждения и свободного действия», в формировании нравственного сознания и усвоении собственного «высокого назначения». Ту же мысль отстаивали впоследствии Сильвестр Гогоцкий¹⁸, Памфил Юркевич¹⁹, Петр Линецкий²⁰ и другие мыслители, выросшие в киевской духовно-академической среде. Рассматривая философию в качестве важнейшей составляющей как общего, так и специального образования, они возлагали на ее изучение задачу формирования у студентов широты умственного кругозора, стимулирования их самостоятельной мыслительной деятельности и интеллектуального творчества, воспитания мировоззренческих убеждений и нравственных ценностей. Такое же глубокое осознание роли и значения философского образования демонстрировали и их коллеги, воспитанные в Московской, Санкт-Петербургской, Казанской духовных академиях²¹. Указывая на генетическое и историческое единство

¹⁸ Задача философии как науки, состоящая в развитии «сознательного теоретического и практического отношения к окружающему нас миру», в своем глубинном измерении полностью соответствует главной цели образования, которая заключается в «совершенствовании разумно-свободных сил человека и форм его жизни» (Гогоцкий С. С. Философия // Гогоцкий С. С. Философский лексикон. Т. 4. Вып. 2. К., 1873. С. 82, 84). Усматривая задачи высшего образования в познании «единства и гармонии законов жизни», способствующем «всестороннему осуществлению человеческого призвания в морально-общественной жизни» (Гогоцкий С. С. О высшем образовании в применении к женщине. К., 1878. С. 5-6), киевский профессор был убежден: «...для высшего образования, если оно высшее не по имени, а на деле, изучение по крайней мере некоторых частей философии необходимо» (Гогоцкий С. С. Философский словарь или краткое объяснение философских и других научных выражений, встречающихся в истории философии. К., 1876. С. 123).

"Усматривая главную задачу высшего образования в воспитании «единой нравственной личности, которая развивается под негибнущими идеалами или нормами», средством такого воспитания П. Д. Юркевич считал именно изучение философии, как универсальной науки об абсолютном, предоставляющей нормы для мышления, бытия и деятельности и прививающей тем, кто приобретает «специальную ученость», ростки «высшей культуры живой личности» (Юркевич П. Д. Разум по учению Платона и опыт по учению Канта // Юркевич П. Д. Философские произведения. М., 1990. С. 526).

²⁰ По убеждению, например, П. И. Аницкого, вся многовековая история демонстрирует соответствие философии глубинной потребности человечества «иметь руководительные идеи как для познания, так и для деятельности практической», необходимости «установления единства в приобретенных познаниях», причем «единства гармонического, а не однообразно-формального». Именно этот факт делает изучение философии одним из важнейших компонентов и средств образования (см.: Линецкий П. И. Образовательное значение философии // ТКДА. 1872. № 11. С. 5-14).

²¹ Говоря о «великом образовательном значении» изучения философии в духовных академиях, являющемся одним из важнейших средств приготовления их воспитанников «к самостоятельной и разумной жизни и деятельности», профессор МДА А. И. Введенский, например, справедливо усматривал главную задачу философских курсов в том, чтобы «вызывать на глубокие и серьезные размышления, развивать ум и душу», стимулировать стремление «к отысканию истины во всех приобретениях человеческого ума», воспитывать «критическое отношение к явлениям», умение видеть во всем «существенное, общее и основное» и «извлекать из всех специальных знаний, из обыденных размышлений и событий жизни тот умственный элемент, который всему дает смысл», наконец, способствовать достижению «меры и гармонии в сознании

философии и образования, обнаруживая полное созвучие в понимании цели, сущности и значимости изучения философских дисциплин, они подчеркивали огромную роль последних в формировании культуры личности, пробуждении тех гуманных начал, к которым, собственно, и стремится образование. В то же время, они не уставали напоминать о том неоспоримом факте, что изучение философии не следует понимать как процесс механической трансляции знаний от преподавателя к студенту и их пассивного усвоения. Современному поколению молодых людей, получающих высшее — в том числе богословское, — образование, следует особенно прислушаться к обоснованному и вряд ли способному утратить актуальность выводу: философское образование нельзя «получить»; оно стяжается, приобретает путем настойчивых и деятельных усилий не только со стороны преподавателя, но, прежде всего, студента; оно предполагает постоянное *самообразование*, потребность и навыки которого собственно и должны пробудить и укрепить философские курсы, освоенные в студенческие годы.

В свете вышесказанного, совершенно очевидно, на наш взгляд, что результативность и эффективность современных трансформационных процессов в системе православного образования во многом сопряжена не только с принятием во внимание важнейшего значения философии как неотъемлемого компонента образования, но и с всесторонним осмыслением непосредственного и плодотворного опыта присутствия философского знания в духовных академиях и семинариях XIX — начала XX вв.

и поступках» (см.: Введенский А. И. О современных задачах воспитанников духовных академий в области философии // Богословский вестник. 1895. Т. 4. № 10. С. 85).